УДК 94(47).072

Г. В. Вилинбахов

Рецензия на монографию: *Искюль С. Н.* Война и міръ в России в 1812 г.

Изд. 2-е, доп. СПб.: Петрополис, 2017. 880 с.

Ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН С. Н. Искюль давно занимается эпохой 1812 г. Публикации, посвященные этой теме и подготовленные им, начинают появляться еще с конца 1970-х гг., когда в «Ежегоднике британской истории» было опубликовано неизвестное до тех пор письмо находившегося в ставке М. И. Кутузова британского генерала Р. Вильсона из Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. За этим последовало издание дневников и переписки генерала за 1812–1813 гг. (*Вильсон Р.-Т.* Дневник путешествий, службы и общественных событий. Письма к разным лицам. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995), которое сразу отметили специалисты, и исторического труда генерала (*Вильсон Р.-Т.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения <...> французской армии в 1812 году. М.: РОССПЭН, 2008). Недавно С. Н. Искюль начал издавать серию мемуаров «Французы в России» — воспоминаний французских участников войны в России, тех из них, которые в прошлом не были изданы по-русски или изданы, но в плохих переводах или комментариях. Серия открылась выходом в свет мемуаров графа Поля-Филиппа де Сегюра «Наполеон и Великая армия в 1812 году» и продолжена публикацией воспоминаний барона Агатона Фэна «Записи 1812 года» (СПб.: Петрополис, 2015; 2017). В то же время к 200-летнему юбилею войны им была осуществлена весьма важная публикация воспоминаний дочери известного

Ф. В. Ростопчина, которая, как полагает рецензент, ставит точку в спорах о виновнике пожара Москвы (*Нарышкина Н. Ф.* 1812 год, граф Ростопчин и его время. СПб.: Петрополис, 2016).

Многочисленные статьи и публикации, в разное время подготовленные С. Н. Искюлем, стали подступом к написанию монографии, озаглавленной им «Война и міръ в России 1812 года», которая была опубликована в 2015 г. и в настоящее время выпущена вторым изданием. Отдельные фрагменты монографии уже были опубликованы ранее, в частности одна из последних глав, которая открывала сборник статей Санкт-Петербургского института истории, под названием «К характеристике русского общества 1812 г.» (Власть, общество и реформы в России. СПб.: Нестор-История, 2009). Уже тогда она была отмечена рецензентами как важный вклад в изучение общественного фона войны 1812 г. Кроме этой статьи, в «Петербургском историческом журнале», издаваемом Санкт-Петербургским институтом истории, им был опубликован ряд статей, в которых освещаются различные аспекты внешнеполитической истории и внутриполитической ситуации в России до и во время русско-французского противостояния и войны в 1812 г.

В отличие от всей предыдущей историографии, в которой рассматривалась преимущественно военная история 1812 г., в монографии С. Н. Искюля впервые представлен опыт рассмотрения жизни сословий российского общества во время войны 1812 г. — дворянства, духовенства, городского и сельского населения Российской империи, т.е. того, что условно можно было бы назвать своеобразным «фоном» войны. Вместе с тем, автор дает собственное понимание внешней составляющей истории этой во многом судьбоносной войны между Россией и Францией.

Говоря о причинах войны в 1812 г. между двумя союзниками, автор уделяет внимание хорошо знакомым ему внешнеполитическим сюжетам, в том числе и Континентальной блокаде. В историографии, отталкиваясь от известных исследований Е. В. Тарле, Континентальная блокада всегда указывалась как одна из причин войны, которая выразилась в дефиците бюджета и обесценивании денежных средств, что, естественно, сказалось на общем состоянии экономики Империи. Но, говоря об этом, С. Н. Искюль считает, что здесь сыграл свою весьма существенную роль и фактор предшествующего развития (т.е. многолетние — на протяжении царствований Екатерины II и Павла I — непроизводительные расходы, в том числе и в связи с войнами, в которых участвовала Россия) и приводит суждение о том, какие сословия в большей или меньшей степени пострадали от распространения Континентальной системы на Россию в 1807 г., и какое влияние это могло иметь на общий ход дел (с. 58–69). На мой взгляд, это весьма существенно, поскольку вслед за исследованиями А. В. Предтеченского позволяет скорректировать взгляд на Континентальную блокаду, которую чаще всего рассматривают как одну из важных причин франко-российского противостояния в 1810 — начале 1812 г., считая ее важ-

нейшей среди тех, что в реальности ухудшили отношения между двумя странами и в конечном счете привели к войне. Это касается и финансового положения России, которое рассматривается автором монографии в том числе в тесной связи с реформами М. М. Сперанского, а также мер финансового порядка, принятых последним непосредственно перед войной с Францией в 1812 г.

Подробно останавливаясь на Континентальной блокаде, С. Н. Искюль в то же время не склонен относить ее к тем факторам, которые определяли все прочие. Он вообще полагает, что искать главные причины вспыхнувшей в 1812 г. войны следует в русле личных отношений двух монархов после 1807 г., ибо Александр I навсегда был глубоко уязвлен катастрофическим поражением при Аустерлице, когда к тому, что от уверенности в собственной победе не осталось и следа, присоединилось и то обстоятельство, что государь не мог скрыть всю неприглядность своего состояния во время панического отступления с поля сражения, когда не только союзники, но и члены свит обоих императоров потеряли друг друга. Что и говорить, внезапная смена настроений — от полной уверенности в победе до осознания катастрофы, — потрясли душевный мир государя (ночь, проведенная на соломе в крестьянской избе, добавила к нравственному беспокойству еще и озноб, и прочие последствия его тогдашнего физического состояния).

Таким образом, в то время как после Тильзита один из партнеров по двустороннему союзу стремился к сохранению мира и союза между Францией и Россией, другой уже в 1808 г. фактически стал противодействовать всем обоюдно принимавшимся соглашениям и вооружаться против другого, а впоследствии, в 1810 и 1811 гг. вел переговоры с противниками Франции, собираясь начинать войну (с. 108–113). Так что Континентальная блокада — скорее предлог, чем одна из главных причин войны, тем более что система мер к запрещению торговли с Англией привела к некоторым положительным для хозяйства Российской империи результатам, если иметь в виду не только внешнюю торговлю. Полагаю, что С. Н. Искюль как исследователь имеет полное право отстаивать свою точку зрения.

Из внешнеполитических сюжетов, которые оказали самое разное влияние на отношениях двух держав, привлекает внимание и «польская» конвенция, ставшая предметом франко-российских переговоров и в Петербурге, и в Париже. Сюжет освещается в трудах Е. В. Тарле и отчасти других историков, занимавшихся исследованием причин войны 1812 г., однако большей частью кратко и в лучшем случае только на материалах Архива внешней политики России. По целому пласту ранее не опубликованных материалов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки автор монографии дает подробную картину этого малоизвестного сюжета дипломатических отношений 1810–1811 гг., который наряду с прочими обсуждался в преддверии войны 1812 г. (с. 44–58) и отчасти способствовал тому, что война со стороны России в 1812 г. могла оказаться, но не стала наступательной.

Что касается остальных сюжетов монографии, то в особенности внимание рецензента привлекло то, что в соответствующих главах, там, где речь идет

о рекрутских наборах 1812 г., об участии различных сословий в пожертвованиях на военные нужды, автором приводятся не только примеры самоотверженного патриотизма и щедрых пожертвований на «алтарь Отечества» (с. 175–181), но и примеры, скорее говорящие об обратном, о своекорыстии, о стяжательстве и мздоимстве. Я имею в виду те многие случаи, когда помещики поставляли в рекруты тех крепостных, которые по состоянию здоровья или возрасту были неспособны к несению барщины и других повинностей, а также те случаи, которые раскрывают отношение крестьянского мира к рекрутчине, отказ крестьянства от участия в рекрутских наборах, в том числе и случаи бегства из рекрутских присутствий и из строя (с. 695–699). Считаю это важным, поскольку правдоподобная картина патриотического настроя общества естественно включает в себя самые разные настроения и поступки до и даже перед лицом событий, которые, казалось, должны были способствовать сближению и консолидации.

В особенности я считаю во всех отношениях важным то, как в монографии излагаются события, связанные с эвакуацией учреждений, и как трактуется само оставление Москвы (с. 372 и далее), события, связанные с организацией сожжения столицы, а также всё, что относится к пребыванию Великой армии в Москве (с. 409–442). Как и в прочих главах, в отличие от многих своих предшественников автор свободен в своих оценках и руководствуется исключительно исследовательским анализом всего того материала, который удалось почерпнуть из архивных документов и опубликованных мемуаров. Поэтому для него совершенно естественно, что оставление столицы явилось следствием итогов Бородинского сражения, а не тем событием, которое было заранее спланировано командованием. Что касается пожара Москвы, то это отнюдь не патриотическое деяние москвичей, а полицейская акция, подготовленная генерал-губернатором Ф. В. Ростопчиным с санкции или без таковой со стороны Александра I. Пожару автор уделяет особое внимание, поскольку дискуссии о возникновении пожара и его виновниках время от времени возникают и продолжаются, а издание воспоминаний дочери Ростопчина Н. Ф. Нарышкиной, подготовленное, напомним, С. Н. Искюлем, которые многое проясняют в этой истории, помогло ему не только ввести в оборот новый источник, но и сделать верные выводы. Любопытное предположение С. Н. Искюля о причастности Александра I к пожару высказано предельно осторожно, ибо совершенно ясно, что оно нуждается в документальном подтверждении (с. 627–628). В приложениях к своей книге автор поместил собственный перевод двух сочинений современников на одну и ту же тему московского пожара — графа Ф. В. Ростопчина и маркиза Жоржа де Шамбре (в ответ на брошюру «Правда о московском пожаре»).

Пребывание в Москве французов в связи с мирными инициативами, предпринятыми на самом разном уровне, впервые описывается столь многообразно и документально насыщенно, поэтому оценки, которые дает автор, вызывают желание скорее согласиться с ним, чем входить в противоречие. Сказанное касается в частности и оценок деятельности московского духовенства, которое, вместо того чтобы исполнять свой долг, в массе своей бежало, оставив паству

и церкви на произвол судьбы. Это касается и такого известного феномена, как грабеж оставленного на произвол судьбы города; автор склонен отнести эти деяния и связанные с ними действия на счет выпущенных по распоряжению того же Ростопчина из московских тюрем «злодеев» и оставшихся в Москве для грабежа.

Конечно, в силу самой избранной темы, автор много внимания уделяет ситуации внутри страны в 1812 г. перед вторжением иноземных армий, когда в ряде уездов западных губерний были отмечены крестьянские волнения, которые имели место также и на горнозаводских предприятиях, к которым были приписаны крестьяне сел и деревень Пермской и других губерний (с. 100–107). В монографии много говорится о положении сословий, крестьянского и городского населения, в частности ситуации, связанной с волнениями крестьянской массы не только в присоединенных, но и в «коренных» губерниях, поскольку с началом войны крепостное право в России фактически прекратило существование. В связи с этим С. Н. Искюль включает в канву повествования многочисленные факты усиления борьбы против помещичьего произвола, волнений в деревнях и селах различных губерний в связи с распространением слухов о том, что с приходом французов крестьяне обретут наконец волю, расправы с бурмистрами и убийство помещиков (с. 689–698 и далее). Всё это делает общую картину 1812 г. более многообразной — автор употребляет выражение «мозаичной» — что в целом предлагает более колоритную, а не ту монолитную и зачастую лубочную картину, которая, может быть, более привычна, но ни в коем случае не правдоподобна.

Полагаю, что монография С. Н. Искюля важна как первый опыт, меняющий имеющиеся представления об эпохе 1812 г., тем, что в ней затрагивается и раскрывается крупная узловая тема внутренней истории войны через обширную документацию, отложившуюся в центральных архивах, а также, естественно, через материалы многочисленных публикаций второй половины XIX — XX в., воспоминания современников, дневники и переписку, зачастую почти не привлекавшиеся к исследованию.

Для рецензента совершенно очевидно, что перед С. Н. Искюлем стояла непростая задача и, если говорить об архивных разысканиях, ему нужно было выбрать и остановиться на изучении определенного круга источников, что им, в конце концов, и сделано вполне убедительно и с глубоким знанием дела.

Полагаю в заключение, что крупное монографическое исследование, подготовленное С. Н. Искюлем, является существенным вкладом в изучение 1812 г. и русского общества в эту эпоху как по выявленному им и представленному в ней материалу, так и по тем выводам, к которым автор пришел в ходе написания этой работы, выполненной на высоком научном уровне.

G. V. Vilinbahov. Review of the monograph: *Iskjul' S. N.* The War and the Society in Russia in 1812. SPb., 2017

Вилинбахов Георгий Вадимович — д.и.н., заместитель директора Государственного Эрмитажа по научной работе.
Vilinbahov Georgy Vadimovitch — Dr. of Sciences (History), Deputy Director of State Hermitage Museum.
E-mail: vilinbahov@hermitage.ru